

ФЕНОМЕН «ДВУХ ИВАНОВ»: ДИАЛОГ СОТВОРЧЕСТВА

Конец XX века подарил современной культуре, важнейшей частью которой является литература, целый ряд тем, требующих как серьезного размышления, так и глубокого историко-культурного и литературоведческого внимания. Среди них видное место занимает изучение литературного, философского и эпистолярного наследия выдающихся деятелей русской эмиграции, которое стало достоянием читающей общественности совсем недавно и, хотя и вызывает интерес у заинтересованных исследователей, все еще во многом остается «белым пятном» на пути составления единой истории русской литературы. Такой малораскрытой и требующей изучения темой все еще остается феномен «двух Иванов» - выдающегося русского мыслителя, философа Ивана Ильина и выдающегося русского писателя Ивана Шмелева. Обращение к этому вопросу кажется еще более актуальным в год 130 юбилея со дня рождения писателя.

Проблема состоит в том, что однозначного ответа на вопрос, который из двух Иванов, во всех отношениях уникальных и значимых личностей, больше выиграл от их исторической и духовной близости, нет. И мы это попытаемся показать.

Традиционно считается очевидным ответ на этот вопрос в пользу Шмелева. Действительно, Ивану Сергеевичу Шмелеву необыкновенно повезло, что горечь вынужденной эмиграции с ним делил глубокий философ, могучий мыслитель, вдумчивый и серьезный критик, человек тонкой душевной организации - Иван Александрович Ильин. Как свидетельствуют письма, Шмелев обожал Ильина и считал его своим духовным учителем, хотя и был на 10 лет старше философа. Благоприятное пространственно-временное совпадение способствовало тому, что для действительно адекватной оценки масштабности таланта писателя, художественно-эстетической и духовной значимости его произведений не потребовалось исторического расстояния. Иван Ильин, оказавшийся в нужное время в нужном месте в силу исторически сложившихся обстоятельств, стал критиком, конгениальным поэту, способным глубоко проникнуть в суть его творческого акта, и донести основные идеи его произведений до читателя. Философам, по убеждению Ю. Борева, более чем кому-либо иному присуща способность занять метапозицию по отношению к миру, «подняться и мыслительно воспарить над ним» [1, с. 22-23], и эту свою способность философ может максимально эффективно использовать, выступая в роли объективного критика современной ему литературы, что и сделал И. Ильин.

Невозможно переоценить вклад И. Ильина в изучение творчества Шмелева. Ильин первым из ученых стал читать в Берлине и Швейцарии лекции о творчестве писателя, публиковал основные статьи будущей книги в

эмигрантских периодических изданиях, в частности в журнале «Возрождение» [см. 7, с. 334-335], предоставлял возможность И. Шмелеву сотрудничать с издаваемым им в Берлине журналом «Русский колокол» [7, с. 241]. В полном смысле слова, подвижническая деятельность И. Ильина способствовала существенной популяризации творчества И. Шмелева и «смягчала» «горький хлеб эмиграции», помогая писателю элементарно выжить.

Главный литературно-критический труд Ильина - книга «О тьме и просветлении», хотя и была написана еще при жизни Шмелева, по независимым обстоятельствам была впервые издана только через два десятилетия после ее создания, в 1959 г. в Мюнхене, уже после смерти И. Шмелева (1950г.) и И. Ильина (1954г.).

Само композиционное построение книги «О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев» - бесценный дар философа писателю. Причем это не конъюнктурный подарок близкому другу. Заподозрить Ильина в нарочитой субъективности, откровенном протекционизме было бы немыслимо. Свою позицию как критика Ильин обосновывает во введении, особенно акцентируя момент сознательного дистанцирования критика от авторов исследуемых им произведений. Он пишет, что критику *«полезно не обращаться с тем автором, о котором он пишет. Ибо, в сущности говоря, он пишет не о человеке, а об его художественных произведениях»* [2, с.26]. Ильин выделяет две задачи критика: первая - *«быть на высоте прежде всего как читатель»*, т.е. *«искать художественной «встречи» с писателем, воссоздавать через «словесную ткань образное тело произведения», через слова и образы проникать к его «вглубь, к замыслу, к художественному солнцу, сокровенно владеющему данным произведением»; и вторая - быть художественно-аналитическим читателем, т.е. «пройти от слова через образ к предмету и обратно - от предмета через образ к слову, - не только интуитивно, чувством, воображением и волею, но и сознательной мыслью; <...> как бы вобрать все произведение в его собственное художественное солнце, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свой образы и всю свою словесную ткань. Критик должен проследить все это удостоверительно и убедительно и на основании этого высказать обоснованное суждение о художественном совершенстве или несовершенстве данного произведения* [2, с. 26]. Однако, справедливости ради, нужно сказать, что под конец работы над книгой Ильин не мог не поделиться своими размышлениями о ней с другом. Секреты движения его творческой мысли раскрывает переписка. В письме Шмелеву (от 10.04.1938) И. Ильин признается: *«У меня долгое время был такой план: сначала - столп и утверждение Шмелев. Потом Бунин. Потом Ремизов. Потом Мережковский. Но это было, в сущности, беспланье: это не целое, это острова, это «кресла» с литературными величинами. Лишь кончая главу о Ремизове - я понял, чего требует предмет. И чую я, что он требует иного: не портретов, расположенных по степени любимости и ценимости, а единого замысла, и притом не в плане эстетической материи или эстетического образа, а*

в плане художественного предмета. Тогда и заглавие должно быть предметное. И вот вышло. О тьме и скорби. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. А это значит: тьму и скорбь послала нам "история", т.е. Господь. И все мы во тьме ходим и скорбью живем. И вот старшее ныне поколение литературных художников, сидя с нами во тьме и скорби, что видит, что показывает, что дает, куда ведет.

А) Бунин. Тьма первобытного эроса - и мука от него.

Б) Ремизов. Тьма нечисти, злобы и страха - и мука о ней, но не скорбь, а мука, требующая жалости.

И нет скорби - ни у того, ни у другого; и нет преодоления, нет выхода к свету.

Шмелев - тьма богоутраты, и скорбь в мире и о мире - и через скорбь выход к Богу и свету.

Так что - исход должен быть дан финалом, преодолением. И вся книга строится снизу вверх, с предоставлением Бунину - воспрезирать меня до смерти; с предоставлением Ремизову - написать обо мне какую-нибудь химерическую дребедень, как он иногда размалевывает знакомых.

Мне важно, чтобы Вы узрели замысел и то, почему разрешающий проблему идет в конце. Это восхождение, подъем, апофеоза. Стоят же все три главы - островами, внутренне-само-законченными; так что ценители Шмелева могут читать только о нем, а обожатели бунинской тьмы - только о нем» [3, т. 2, с 224]. Как видно, эти размышления - не испрашивание мнения или совета, скорее это презентация окончательно выстроенной концепции, которая и была реализована в книге. Шмелев не мог не отреагировать с благодарностью, но в то же время с величайшей скромностью: «Да что Вы думаете, разве может для меня иметь значение, где я, на каком месте? Для меня дорого (Как и для всякого русского писателя), что Вы (а больше и некому в эмигрантской и прочей вселенной) всерьез и глубоко, и проникновенно, и вдохновенно и властно - даете писателей, как никогда и никто еще не давал» (Письмо И. Шмелева - И. Ильину от 18.IV.38. *Здесь и в других местах выделено автором.* - М. Ш.) [3, т. 2, с 228]. Как видно, писатель благодарит критика не за выгодное для него смещение концептуального ядра, а за глубину проникновения, и за «такое мерило», с которым «никто еще не брал, да и понятия о сем не имел» [3, т. 2, с 228]. Такова точка зрения, так сказать, «от Шмелева». Его выигрышность не вызывает сомнений.

Теперь попробуем взглянуть на проблему «от Ильина». Анализируя особенности русской философии XX века, Б. Н. Любимов отметил характерный феномен парности, который состоит в том, что каждый значительный мыслитель находил себе «пару» - единомышленника среди современников, либо воспитывал для себе ученика, либо интерпретатора, представлявшего его школу [5, с. 197-198]. Примечательными в данном контексте являются наблюдения С. Хоружего над знаменитыми картинами М. В. Нестерова «Философы» (1917г.), на которой изображены Павел Флоренский и Сергей

Булгаков, и «Мыслитель» (1921-1922 гг.) с изображением Ивана Ильина. На полотне Нестерова Ильин одинок, погружен в себя. Ясно видно, что философская мысль «духовного созерцателя» рождается не в жаркой полемике, а путем предельной сосредоточенности духа, остроты прозрения.

По мнению Б. Н. Любимова, уникальность Ильина состоит в его одиночестве, отсутствии «пары». В активный период эмигрантского творчества он находился в открытой конфронтации со своими выдающимися современниками-философами. От Ильина «доставалось» на почве идейных расхождений и С. Булгакову, и Н. Бердяеву, и В. Розанову, и К. Мережковскому и Вяч. Иванову, и позже и Г. Федотову [5 с. 198; 2, с.6]. Собратья-философы отвечали либо демонстративным игнорированием его многочисленных трудов, либо коллективным неприятием. Чуть ли не единственным, кто по достоинству оценил И. Ильина, был П. Струве, говоря о нем: «Формально - юрист. Он по существу философ, т.е. мыслитель, а по форме - изумительный оратор и ритор в хорошем античном смысле этого слова. Когда он пишет, он говорит, а когда говорит, то захватывает ум, очаровывает слух, входит в душу с какой-то особой силой, присущей живому и твердому, мерному и коварному человеческому слову» [Цит. по:5, с. 198]. Н. П. Полторацкий¹, положивший массу, усилий на пропаганду творчества И. Ильина, писал, что в русской религиозной философии «много было званых, но мало избранных. <...> Ильин принадлежал к категории людей по-настоящему избранных [Цит. по: 2, с.Ц]. Следовательно, если рассматривать И. Ильина исключительно в ряду философов, то наблюдение Б. И. Любимова о его одиночестве можно считать справедливым. Обособление, по-видимому, не воспринималось трагически Ильиным, но как своего рода «послушание». Его слова из статьи «Одинокий художник», обращенные к писателям-эмигрантам: «художественное одиночество величаво и священно», оно «как бремя, которое они призваны нести, не изменяя ни себе, ни своему художественному акту» [2, с. 278], можно в полной мере отнести к нему самому. Ведь Ильин не был исключительно философом. Разносторонность дарования, духовное богатство личности, универсальный ум, яркий талант мыслителя позволяли ему быть вполне самостоятельным художником, публицистом, литературным критиком, и, в определенном смысле, теоретиком искусства и литературы. (Стоит назвать хотя бы его работу «Основы художества. О совершенном в искусстве», которая, по единодушной оценке исследователей, многократно превосходит современные книги об искусстве и религии по глубине проникновения, точности и красоте изложения, силе и гибкости мысли). В этом плане одиночество Ильина исключается, поскольку «пару» ему составил писатель-мыслитель И. Шмелев. Это наблюдение могло бы показаться безосновательным, если бы не опубликованная переписка, которая покрывает практически 20 лет жизни и творчества (1927-1946гг.) выдающихся деятелей

¹ Н. П. Полторацкий - ученик философа, ведущий исследователь творчества И.Ильина, создатель его архива в Мичигане (США), профессор Питтсбургского университета, начинал работать над публикацией переписки И. Ильина и И. Шмелева, но довести дело до конца не позволила неожиданная смерть [3, с. 7]

русской культуры. Переписка издана в 2000г. в рамках 10-ти томного собрания сочинений И. Ильина и стала ярким свидетельством духовного родства, глубокого взаимопонимания и тесного сотворчества двух ярких и сильных личностей. Трехтомное издание названо удивительно точно «Переписка двух Иванов». Идея названия, указывает составитель Ю. Лисица, принадлежит Н. П. Полторацкому, и взята из письма Ильина-Шмелеву: «Пока мы с Вами живы - мы два Ивана, российских сына; и никаких гвоздей» [3, т. 2, с 227]².

Знакомство с этой живой, проникновенной; перепиской раскрывает обоюдную важность общения для адресатов, о чем свидетельствует характер поднимаемых ими тем. К остро волнующим обоим мыслителей проблемам, кроме литературного процесса эмиграции, относятся проблемы культуры и религии, патриотизма и национального самосознания, противостояния злу в лице большевизма, борьбы монархических и либеральных сил в русском зарубежье, масонства и католичества в их наступлении на православие, фашизма и коммунизма в их сущностях и смыслах, духовного движения и обновления и многие другие. В письмах обсуждались творческие планы, высказывались мнения о написанных произведениях и их фрагментах. Кроме всего прочего, их сближала и объединяла прочная духовная связь с родным для обоих городом Москвой*, пронзительная боль и постоянная тревога о судьбе России, и, что еще более важно, необыкновенно удивительный дух взаимопонимания, совпадения мировоззренческих позиций - дух со-творчества. Иван Шмелев проявил такой же «талант критика-со-творца, адекватно понимающего и задачи художника и собственные» [6, с. 245], как и Иван Ильин. Статья-рецензия Шмелева на книгу Ильина «Основы художества» свидетельствует о том, что писатель видел своей задачей не только адекватное рецензирование труда, но и проникновение вглубь замысла произведения. Рецензия названа «Книга о Вечном»: «Да, именно, - о Вечном, - пишет И. Шмелев, - о "божественном глаголе", о "Божьих лучах в земных явлениях", - о приоткрывающейся Божьей тайне. Другим словом я не могу определить глубокую сущность этой книги, захватывающей дерзанием и откровением, острой мыслью и страстной верой... многих заворочит нравственной высотой. Обогастит духовно, откроет глаза на то, что казалось само собой разумеющимся. Эта книга - о тайне мира и человека, о сокровенной их сущности. <...> Вопросы вечные - не решаются рассудком; они открываются духовным видением. Опыт такого видения и дает читателю книга И. А. Ильина... И самое важное: проводит воспринимающих искусство к познанию основ искусства, к священному роднику, приоткрывает перед ним тайну. Он вводит в религию искусства, в служение и радость, творит его символ веры» [4, с.409-411]. В личных письмах философу писатель выражается еще более пылко и страстно:

² У И. Шмелева есть рассказ «Два Ивана», название которого могло послужить толчком для такого определения И. Ильина.

* Прах И.С. Шмелева и его супруги О. А. Шмелевой был перенесен в Москву и, согласно завещанию писателя и по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия, был перезахоронен в акрополе Донского монастыря, в семейном захоронении Шмелевых 5 2000 г. Спусти 5 лет, в 2005г. в Россию был перенесен прах И. А. Ильина и так же захоронен в Донском монастыре в Москве. Так сбылась мечта выдающихся личностей вернуться на Родину, хотя бы после смерти.

«Ваше читать надо - помолившись, свято, не кусочками, заглянул - сколько всего! Это - естественное, это святое о святом. Буду впивать в себя, дышать, наполняться» [3, т. 2, с 187]; «"Основы художества" - блеск и свет» [3, т. 2, с 190]; «"Борьба за художественность" - катехизис по-искусству» [3, т. 1, с 474]; А. В. Науменко-Порохина полагает, что «и книга И. Ильина, и статья И. Шмелева по силе воздействия на читателя могут быть воспринимаемы как часть их духовного завещания потомкам» [6, с. 246]. Она уверена, что использование современными исследователями принципов и приемов анализа художественного произведения, разработанных И. Ильиным и И. Шмелевым, должно поспособствовать выведению литературы и искусства из затянувшегося духовного кризиса [6, с. 246].

Диалог: со-творчества проявился в характере, содержательной и эмоциональной окраске произведений эмигрантского периода И. Ильина и И. Шмелева, в своеобразном «перетекании» интеллектуальных интенций, Если философские труды и размышления Ильина в эмигрантский период пронизаны лиризмом, например «Огни жизни. Книга утешений» или «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», то художественные произведения Шмелева философичны, местами публицистичны, отмечены постановкой бытийных вопросов, например «Солнце Мертвых», «Кровавый грех», «У дьявола на пиру».

Политический, экономический и культурный кризисы XX века Ильин и Шмелев рассматривали как следствие духовного кризиса, который был порожден всеобщим грехом богоотступничества. Именно в христианском учении мыслители находили ответы на вопросы, поставленные историей, не представляя себе иного пути для национального возрождения, чем путь христианского покаяния и возрождения духа, духовности, под которой подразумевалось следование нравственному идеалу во Христе: «принимать путь Божьего Дела на земле, как свой собственный путь» [8, с. 72]. Религиозный тип художественного сознания обоих авторов обуславливал тематику, проблематику, и идейную направленность их произведений. Духовная близость нашла отражение в общности тем, которые они раскрывали. Это тема родины (И. Ильин «О России», «Родина и мы»; И. Шмелев статьи «Душа России», «», рассказы «Про одну старуху», «Рубеж», диалогия «Лето Господне» и «Богомолье»); тема грядущего возрождения России (И. Ильин «Почему мы верим в Россию», «Творческая идея нашего будущего»; И. Шмелев статьи «Чудо будет наградой вам», «Убийство», «Татьянин день», рассказы «Рождество в Москве»); тема сопротивления злу, которое для обоих авторов воплощалось в большевизме (И. Ильин «О сопротивлении злу силою»; И. Шмелев «Прогулка», «Про одну старуху», «У дьявола на пиру»); тема выбора пути (И. Ильин «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности»; И. Шмелев «Пути мертвые и живые», «Пути небесные»), можно еще назвать более узкие темы праведности и красоты, совести и правды, подвига и чести.

Кульминацией плодотворной творческой переключки, на наш взгляд, можно рассматривать рассказ И. Шмелева «Куликово Поле». Практически все перечисленные общие темы стали ведущими художественными мотивами, блестяще реализованными наряду с христианскими мотивами спасения, благой вести, чуда и веры в чудо, обретения веры. Как свидетельствуют письма, от самого замысла³, до окончательной редакции рассказа⁴, И. Шмелев подробно делился с И. Ильиным своими планами, неизменно получая одобрение и восторженные отклики⁵.

Первая глава рассказа представляет собой художественное изложение идейных соображений, возникших вследствие перманентного эпистолярного диалога двух Иванов. Здесь воспроизводится точная, заковычанная цитата из личного письма И. Ильина: «нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такой мощью духовной как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; зато выстрадали себе дар - незримо возрождаться в зримом умирании, - да славится в нас Воскресение Христово» [8, с. 4]. Кроме этого, устами героя дается пылкая оценка умственных и духовных качеств Ильина. Шмелев представляет его как: «умнейшего, глубокого русского мыслителя, национального зиждателя душ», открыто выражает поддержку его позиции «борьбы со злом», совершив «удар по "несопротивлению" Толстого» [8, с. 4]. Вероятно, не будучи уверенным в возможность публичного ознакомления широкого читателя с их личной перепиской⁶, Шмелев реализует непосредственное присутствие своего друга в художественном произведении на идейном уровне, увековечивая таким образом их духовный и творческий союз. Писатель намеренно акцентирует слиянность собственного сознания и сознания созданного им рассказчика, для него чрезвычайно важно донести до современного ему читателя и для будущих поколений читателей острую значимость исторически и фактически близкого присутствия мыслителя Ильина и их идейную общность и подчеркнуть собственное согласие с его взглядами и мыслями.

В этом рассказе, как бы отвечая на призыв Ильина «сопротивляться злу силою», Шмелев заставляет каждого персонажа найти свой собственный путь сопротивления злу [См. об этом подробнее: 9, с. 170]. Сам автор берет на себя миссию передачи благовестия о спасении для страждущего под большевистским гнетом народа России, пророчески указывая спасительный, по его мнению, путь: «... падет иго наипошнейшее. Крест победит его» [8, с. 44]. На современном этапе изучения творческого наследия обоих авторов ясно, что рассматривать их нужно в свете взаимовлияния, одного в контексте другого.

³В письме от 8. IV. 1937г. Шмелев подробно делится впечатлениями о необычном случае, произошедшем с родными некоего Васильчикова в советской России, выражая намерение оформить этот случай в повествование «Куликово Поле» [3, т. 2, с. 185-186]

⁴ Шмелев - Ильину: «Слава Богу, после пятого списка совсем готов "Куликово Поле". Не могу лучше: что увидел - исправил, дал. Теперь Вы и не узнали бы рассказа: он очень углубился» [3, т.3, с. 116-117].

Ильин - Шмелеву: «Только что прочел «Куликово Поле» и отер слезы <...> я плакал от счастья, что оно так и что Вы это так и показали и выговорили» [3, т. 2, с. 185-186]

⁶ Понимая значимость своей переписки, авторы выражали обоюдное желание сохранить письма для потомков-и непременно их опубликовать: «Все письма Ваши берегу; потом выйдут отдельным томом: письма И. С. Шмелева к Ильину. Вот я и увековечен ... Карьеру сделалю с того света» (И.Ильин - И.Шмелеву 3.VIU/1932.); «Когда-то, кто-то... - опубликует. На радость и в научение» (И. Шмелев-И. Ильину 21.X. 1946) [3, т. 1, с.6]. Подобных мыслей можно привести множество.

Творческое наследие обоих авторов стало в полной мере доступно широкому кругу читателей и может пролить свет на многие неслучайные вопросы. Таким образом, условия для синхронного обращения к духовному опыту выдающихся деятелей русской культуры и дальнейшего изучения феномена «двух Иванов» созданы, а значит, нас ждет еще много интересных наблюдений.

Литература

1. Борев Ю.Б. Введение в теорию литературы // Теория литературы: В IV т., - М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. - Т. 1: Литература. - С. 3-27.
2. Ильин И.А. Одинокий художник / Сост., предисл. и примеч. В.И. Белов. / И.А. Ильин. - М.: Искусство, 1993. - 348 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946). Сост., вст. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифровка и текстологическая подготовка писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. / И.А. Ильин. - М.: Русская книга, 2000. - 573 с.
4. Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти томах. / И.А. Ильин. - М.; Русская книга, 1996, —Т.б.Кн.1. 560 с.
5. Любимов Б. Н. О сопротивлении злу//Новый мир, 1991, №10,-С. 197-198.
6. Науменко-Порохина А.В. Духовные искания русской эмиграции: И.А. Ильин и И.С. Шмелев. // Венок Шмелеву. - М.: Аванти, 2001. - С.240- 246.
7. Черников А.П. Проза И.С. Шмелева: концепция мира и человека./ А.П. Черников. - Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. - 344 с.
8. Шмелев И.С. Куликово Поле // Шмелев И.С. Куликово Поле; И.А. Ильин. Творческая идея нашего будущего. - М.: Рарог, 1999. - 96 с.
9. Шкуропат М.Ю. Иконичность художественного образа (на материале произведений И. С. Шмелева): дис... канд. филол. наук: 10.01.06 . /Шкуропат Марина Юрьевна. -Донецк, 2007, - 196 с.

Анотація

Шкуропат М.Ю. Феномен «двох Іванів»: діалог співтворчості.

Стаття присвячується дослідженню особистої та творчої взаємодії яскравих представників російського зарубіжжя - філософа І.А. Ільїна та письменника

І. С. Шмельова. Стверджується, що глибока особиста дружба і взаємодопомога стала підставою міцного творчого співробітництва, яке підходить під визначення «парності». Творча перекличка простежується на духовно- релігійному та ідейному рівні, та відбивається на тематиці та проблематиці творів. Реалізація діалогу співпраці проявляється в особистому листуванні, в критичних роботах авторів і знаходить свою кульмінацію в оповіданні І. С. Шмельова «Куликове Поле».

Ключові слова: філософ, письменник, художня критика, парність, співтворчість.

Аннотация

Шкуропат М.Ю. Феномен «двух Иванов»: диалог сотворчества.

Статья посвящается исследованию личного и творческого взаимодействия ярких представителей русского зарубежья - философа И.А. Ильина и писателя И. С. Шмелева. Утверждается, что глубокая личная дружба и взаимопомощь стала основанием прочного творческого сотрудничества, которое подходит под определение «парности». Творческая перекличка прослеживается на духовно- религиозном и идейном уровне, и отражается на тематике и проблематике произведений. Реализация диалога сотрудничества проявляется в личной переписке, в критических работах авторов и достигает кульминации в рассказе И. С. Шмелева «Куликово Поле».

Ключевые слова: философ, писатель, художественная критика, парность, сотворчество.

Summary

Shkuropat M.Y. Phenomenon of "the two Ivans": dialogue of co-creation.

The paper is devoted to the study of personal and creative interaction of the outstanding representatives of Russian diaspora in Europe - philosopher I.D. Ilyin and writer I.S. Shmelev. The paper argues that a deep personal friendship and mutual assistance became the basis of lasting artistic collaboration, which fits the definition of "twoness." Creative work traces the spiritual and religious and ideological level, as well as the level of subjects and problems of their works. Dialogue of co-creation is implemented and manifested in personal correspondence, in the critical works of the authors and reaches its climax in Shmelev's story "The Kulikovo Field".

Key words: philosopher, writer, literary criticism, twoness, co-creation.

Стаття прорецензована і рекомендована до друку доктором філологічних наук, професором кафедри зарубіжної літератури ГІМ ДВНЗ «ДЦПУ» Т.М.Марченко